

AKM #10

Wir müssen siegen

ЗДРАВСТВУЙ, ДОРОГОЙ

(СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ)

Здравствуй, дорогой читатель. Что, ██████████, расслабился? А зря. Ведь в руках твоих — АКМ, журнал киллерпанка, а значит — будь готов, сейчас на тебя обрушится мощный поток грязи и крови, круто замешанных на насилии и густо пересыпанных нецензурной бранью.

Дорогой читатель, я вполне разделяю твою радость. Наконец-то ты дорвался до АКМ, наконец-то наступил торжественный миг трансцендентального слияния содержимого нашего журнала с твоим сознанием. Я надеюсь, дорогой читатель, что ты достаточно подготовлен предыдущими выпусками АКМ к мистическому экстазу восприятия запредельного киллерпанковского идеала, иначе не избежать тебе определенного эстетического шока вкупе с припадками брезгливости, повышенного пото- и слюноотделения, истерических выкриков и судорожного отталкивания и отшвыривания нашего журнала. Чтобы свести эту грустную возможность к минимуму, я кратко напомню тебе основные теоретические положения.

Суть и содержание идеального киллерпанковского произведения сводится к словосочетанию "...сея смерть и разрушение". Этот обрывок фразы представляет собой скелет, стержень, основу любого киллерпанковского рассказа, романа, поэмы. Путем прибавления недостающих частей предложения художник создает законченное произведение искусства, являющее нам целостную картину мира, рожденного в некоем конкретном сознании, в некоей данной голове. "Он сеял смерть и разрушение" — кто такой "он"? Каким было его детство, отрочество, юность, кто его воспитывал, какова была его первая любовь, какие страдания он перенес, чего он добился, что он передумал за свою предшествующую данному конкретному моменту жизнь, каковы его мечты и устремления, каковы его чувства и эмоции, каков его внутренний мир — все это в конце концов киллерпанков не интересует. Обо всем этом написаны миллионы, миллиарды книг (интересующимся можем выслать примерный список), и пополнять их ряды киллерпанки не намерены. В этом предложении киллерпанков интересует недостающее сказуемое. Может быть, "он ехал, сея смерть и разрушение"? Тогда сразу возникает вопрос: на чем он ехал? На танке, бронетранспортере, самосвале, бульдозере, лифте? Куда он ехал (вопрос "зачем" не возникает, так как ответ содержится в словах "сея и т.д.")? Какие ямы, рытвины, колдобины и препятствия встречались на его пути и как он обходил их? Или, может быть, он плыл? Или летел? Огромный простор для перемещения мысли художника по пространственно-временным и пр. координатам.

Безусловно, одной из важнейших тем киллерпанка является тема преодоления трудностей и препятствий. В этом близость киллерпанка к настоящей жизни, в этом главное и принципиальное отличие киллерпанка от научной фантастики и, мягко выражаясь, фэнтэзи, которые всегда были абсолютно и безнадежно чужды реальности. Будучи литературной проекцией самой что ни на есть настоящей — звонкой, сочной и бурлящей — жизни, отображая самый дух нашего времени, киллерпанк являет читателю образ истинного героя нашего последнего времени — героя радостного, уверенного, динамичного. Его нельзя смутить, у него отличное здоровье,

великолепная загорелая фигура, такой же дух, он прекрасно уживается с приобретенными в детстве комплексами и неврозами. Он идет по жизни, хохоча.

Впрочем, мы отвлеклись. Итак: главный постулат киллерпанка — “Убей их всех”. Главный принцип киллерпанка — исполнение главного постулата с максимально возможной непосредственностью и непринужденностью. Из этих двух установок вытекают особенности нашего мировоззрения: мы ненавидим принуждение и насилие в любой форме и намерены бескомпромиссно с ними бороться, используя в качестве наиболее эффективного оружия и инструмента все то же насилие — но в самой его чистой, честной и прямой форме — то есть в форме самой примитивной. Гениально, как все простое. Что проще примитивного? Используя примитив в качестве фундамента, мы тем самым обламываем любые попытки как-то извратить наше учение. Киллерпанк настолько туп и прямолинеен, что никаких отклонений и “толкований” не может быть по определению.

В этом сила киллерпанка. Если в третьем выпуске АКМ я писал: “Призрак бродит по фэндому — призрак киллерпанка”, то сейчас можно смело выносить в массы новый лозунг: “Дело киллерпанка живет и торжествует”. Посуди сам, дорогой читатель: всего лишь за полгода (с осени 93-го по весну 94-го), в течении которых последовательно вышли 9 номеров АКМ и к нему прилагаемые приложения (sex'n'violence фэнзин ЙОНИ, футуристический фэнзин БУДУЩЕГО НЕТ и др.), идеи киллерпанка охватили широкие массы фэнзов и прочно засели в их инфантильных мозгах. Уже через полгода после выхода в белый свет первого, еще совсем дермовенького, неполноценненького выпуска АКМ я мог смело отправляться на Аэлигу, чтобы греться в лучах славы и получать всевозможные Похвальные Листы. Что я и сделал. Как сказано в одном из исследований феномена киллерпанка: “Будущее, видите ли, сейчас за теми, кто кто успешнее других решает задачи на уничтожение, истребление, утилизацию и разрушение. Короче, кто умеет хорошо работать на хорошей технике”. Даже не имея доступа к хорошей технике, обладая всего лишь 9-ти игольчатым матричным принтером, мы добились того, что идеи и идеалы киллерпанка прочно вошли в жизнь всякого мыслящего человека. Да и немыслящего тоже. Характерный пример: московские гипер-псевдо-пост-супер-анти-типа-как-бы-панки из писательской группы Neue Partisanen долгое время предавались унылому комплексованию на тему отсутствия в отечестве своем полноценного аналога американского буржуазно-компьютерного киберпанка. Творчество буквально всех входящих в группу писателей было пронизано в тот период пессимизмом и отчаянием. Но вот в унылую творческую атмосферу Москвы вторгается под грохот хайкинггов безумный киллерпанковский порыв с дикого индустриального востока Украины — и что же мы наблюдаем? Воодушевленные революционными идеями молодые авторы начинают творить совершенно в ином ключе, чем прежде! Оставив в стороне произведения из их раннего киллерпанковского периода, которые есть, собственно говоря, подражание классическим работам авторов АКМ-ной школы, мы обнаруживаем в более поздних произведениях Неуеовых Партизаненов все ведущие принципы киллерпанка. Это прослеживается как на уровне отдельных фраз (“Читайте эти шедевры сейчас, пока вас не убили ваши внуки”, “Все умирали, не дойдя до кормушки” и т.д.) так и при анализе текста произведения в целом. Neue Partisanen'ы все еще по инерции и по привычке цепляются за фетиш киберпанка, но это вопрос лишь времени. Для иллюстрации мы публикуем в этом номере рассказ “Хоббиты” J. Moralis'a, одного из лидеров группы Neue Partisanen. Надеюсь, это будет для него приятным сюрпризом.

Итак, безоговорочная победа киллерпанка состоялась. Теперь необходимо осмыслить этот факт и сделать соответствующие выводы.

Dreimal hoch.

Ромыч Ъ. К.

10#АКМ

3-ья страница

„Головокружение успехов“ series

Открытое письмо

Василию Звягинцеву

*Только Поп один Балду не любит.
Никогда его не приголубит.*

Товариш Звягинцев, извините, что обращаюсь к Вам в таком фамильярном тоне, мы, ясно дело, с Вами на брудершафт не пили, Измаил не брали, да и Величайшие Литературные Премии Современности, как-то: Великое Кольцо — 91, Аэлита — 93, Интерпресскон — 93, не уверен, но вполне может быть что и Еврокон — 93, Хьюгу и Небьюлу дали не мне, а Вам. Но Все же позвольте (а я надеюсь, нет, я просто уверен что Вы не из тех, кто затыкает глотку народу) выразить Вам и всему миру, так как этот текст являет собой письмо открытой формы (то есть с ним могут ознакомиться все того пожелавшие), свое восхищение Вашим литературным шедевром, воистинну сравнимым с такими шедеврами литературы, как труды Головачева, Набокова, Нортон, Сидхартхи Гаутамы, Толкиена и других преталантливейших авторов.

Василий, Вы — талант! То, что Вы создали, это предел желаний всех, я не побоюсь этого слова, ВСЕХ умных и образованных людей. Только прочитав Вашу книгу, я понял, что не все еще в мире потеряно. Что есть еще повод жить, работать и созидать на благо всего человечества. Мыслей в Вашей книге хватит на трактат объема Большой Советской Энциклопедии. И это не какие-нибудь там мелкие мыслишки, вернее сказать недомысли, так бурно плодимо молодыми писателями. Они, молодые, думают, что многие писатели старого поколения, и Вы в частности, уже ни на что не годны, кроме обдолбанных текстов, пахнувших застарелой мочой мемуаров и пинания дохлых зверей. Интересно, кто дал им право так говорить о свете нашей фантастики? Им, не создавшим за свой жалкий жизненный путь ни одного стоящего произведения. Такого, что его можно было хотя бы сравнивать с Вашими книгами. Вы, конечно, можете сказать, что они сейчас переживают период ученичества. И им просто необходимо хоть что-то охаивать. Что они завидуют Учителю и хотя бы в своих мечтах быть лучше него. Что в голове — то и на языке. И все оскорбления вырываются у них неосознано. Как знать, может быть и так. Но лично мне кажется, что это обыкновенная травля и клановщина, как нередко бывало в нашей литературе.

Образы, столь любовно выписанные Вами во всех красках, показывают новый тип человека. Человека, сочетающего в себе лучшие черты всех доселе существующих типов. Человека будущего, человека сверхбудущего, человека вечности. Вечного человека с большой буквы. Человека, несущего мир, добро и статичность.

И ну их всех. Тех, кто брызгая слюной завистливо шипит Вам в спину оскорбления. Хуй с ними, полудурками. Время покажет, кто был мудаком.

10#AKM

24.05.94

5-ая страница

— А как работает этот механизм?

— О, чрезвычайно просто! Всё управление осуществляется при помощи одной кнопки. Оператор нажимает на неё, и в бескрайних просторах космоса уничтожается, или, если хотите, пропадает одна галактика. Вот, сейчас я вам покажу. Попробуйте прислушаться к информационным космическим потокам. Нажимаю, хоп! Всё, одной галактикой стало меньше. Вы почувствовали изменение?

— Угу. Можно попробовать?

— Конечно.

— Так. Вот я нажал на кнопку, и пропала одна галактика. То есть галактика пропадает при нажатии мной на кнопку?

— Верно.

— Так, нажимаю на кнопку. Хоп. Теоретически уничтожилась. Предположительно галактика. А есть ли запаздывание в работе прибора? То есть, я имел в виду, какое время проходит между нажатием кнопки и уничтожением галактики?

— Никакое! И это самое интересное. Всё происходит моментально.

— Ага. То есть вы хотите сказать, что вот я сейчас ещё раз нажал на кнопку и галактика исчезла моментально?

— Да.

— Верится, честно говоря, с трудом. А сказывается на работе прибора то, каким пальцем нажимали на кнопку?

— Ээээ. Вероятно, нет. Да, точно, определённо не сказывается.

— Значит, вот я нажал указательным пальцем. Бумс! И вот я нажал безымянным. Хрясь! Результат один?

— Разумеется.

— Вовсе и не разумеется. Может, тут всё не так просто. Вы при расчётах

учитывали кармическую предрасположенность пальцев и других частей тела и вещей, пригодных для нажатия?

— Нет, знаете ли... Как-то не подумал.

— А зря! В реальных боевых условиях это может сыграть решающую роль. И тогда из-за кого-то пальца будет зависеть победа или поражение. Так, ладно. Существует ли какая-нибудь направленность действий? Могли ли вы выбрать уничтожаемую галактику?

— Нет. Я сожалею.

— То есть, если я нажал предположительно всё равно каким пальцем. Бум! Исчезло неизвестно что и неизвестно где..

— Почему же “неизвестно что и неизвестно где”? Уничтожилась галактика в бескрайних просторах космоса.

— Подождите. Следите за моей мыслью. Значит повторяю. Я нажимаю кнопку. Хлоп! И исчезла неизвестная нам галактика, о расположении которой мы даже не догадываемся. Так почему же мы можем утверждать, что исчезла именно галактика?

— Так ведь возмущение полей какое!!!!

— Ха. А может эта ваша машинка ничего кроме возмущения полей и не вызывает!

— Вы оскорбляете моё гордое звание учёного! Результаты моих опытов неопровержимо доказывают, что в результате нажатия на кнопку. Хлоп! Исчезает именно галактика. Вот, пожалуйста, можете посмотреть!

— Что это такое корявое?

— Это мои совершенно секретные выкладки! Посмотрите, посмотрите! Теперь вы убедились?

— А! Но я же не знал всех факторов. Так, и значит побочным действием является глобальная в радиусе одного светового года замена воды на бензин?

— Да. У любого прибора есть свои отрицательные стороны. От лампочек, например, поднимается температура в помещении.

— Но ведь замена воды на бензин - это экологическая катастрофа, несущая за собой вымирание целых планет, а может и галактик!

— Хм.

— Ведь посмотрите! Я нажал кнопку. Блям! И где-нибудь в Африке. В бедной, голодной чёрнокожей Африке маленький мальчик, купающийся в столь редком в этих краях водоёме, покрывается бензольной плёнкой, вдыхает ядовитые пары. Грациозные антилопы, жирафы и зебры пьют воду. Воду! Но, касаясь их губ, она становится бензином. А глотающий позыв уже не остановить! Слоны, играя, обливают друг друга водой из хобота — но потоки бензина обрушиваются на серые морщинистые спины их товарещей по играм! Я ещё молчу про гибель агрокультур... Ваше изобретение ужасающе бесчеловечно!

— Хм. Это. Вы слишком сильно нажали на кнопку. Она, типа как запала.

— Так давайте же разобьём эту машину смерти!

— Вы что, охули? Это же единственный экземпляр! Вам мало того, что вы сожгли все мои чертежи?

— Но ведь у вас остались секретные выкладки!

— Херня! Они фальшивые!

— Так вы меня обманули!!!!!!

— Ну и что?

— Умри! Гнусный прихвостень врага!

И в это момент их галактика пропала.

10#АКМ

ПОЛНЫЙ ДЕНЬ СКОЛИСТЫХ ГЛАЗ

Космический корабль “Норцус” летел между рифами космического океана, уже какие сутки корабль неся к звезде Онтариус, неся на своем борту оружие для повстанцев из шахт и рабочих из компании “Моррис и Болтон”. Повстанцы просили помощи у правителей планеты Искандер. И вот первый космический корабль нес на своем борту оружие, продовольствие и медикаменты,— рука помощи, оказанная правителями Искандера, может повлиять на ход событий на планете Онтариус.

Пока корабль бороздит просторы космоса, мы побываем на самой планете Онтариус.

Что может представлять город в 2475 году? Это, во-первых, заводы по производству космических кораблей, фабрики, всякие предприятия, ну и шахты. В это время, описываемое нами, произошел бунт рабочих шахт и заводов, здесь повстанцы воевали с королевской гвардией, кинутой на подавление восстания. Из-за чего начались такие действия рабочих с шахт и заводов? Рабочий труд — это прежде всего руки, сила и ум. Но это очень тяжелый труд по сравнению с работой в магазине, фирме и т.д. Рабочие работают в поте лица, а зарабатывают гроши; что такое вставать около пяти часов и идти на работу, там работаешь и где-то в семь вечера приходишь домой. Уставший, тебе хочется лечь и отдохнуть, но ждет работа и дома, дети, которые хотят поесть и хорошо одеться, согретыми, чистыми иметь хоть какую-нибудь игрушку. Жены, работающие на фабриках и в других отраслях промышленности, зарабатывающие гроши. Как вы видите, жизнь рабочих не рай, а сущий ад.

Одиннадцать часов на улицах города бушевали перестрелки, взрывались снаряды, с воздуха королевские лайнеры обстреливали рабочих, которые укрывались в разрушенных домах и на баррикадах. Сегодня день “Сколистых глаз” и в этот день рабочие подняли бум на улицах города. Королевская гвардия, обученная, хорошо вооруженная, с каждым часом теснила рабочих за город на равнину, где их можно было обстрелять с лайнеров. На восьмой улице шла самая жестокая бойня. Здесь гвардейцы не могли сломить сопротивление, забаррикодированная, вся усеянная трупами как гвардейцев, так и рабочих, залитая алой кровью, она казалась месивом из кинофильма ужасов.

— Стен, попробуй поджарить ихнего командира,— сказал мне Вольф, мастер с завода Беренга. Я начал искать глазами командира гвардейцев, он сидел в окне дома и обстреливал нашу баррикаду. Я развернул свой семикалиберный пулемет, прицелился и начал обстрел. Через несколько секунд он выпал из окна замертво и плюхнулся на тротуар. К нему подбежал какой-то солдат, но и он, как и командир, отправился к праотцам.

— Молодец, Стен,— поблагодарил меня Вольф и другие ребята,— да ты отличный стрелок, ха,— он засмеялся и посмотрел мне в глаза.— Тебе надо дать за это медаль.

— Нет, не надо,— засмеялся я. Вольф поднялся вовсю и крикнул:

— Вперед, ребята, победа будет за нами...— И он помчался вперед, а за ним и все остальные. Я поднял свой пулемет и помчался вслед за всеми. Скваживая на ходу гвардейцев, мы пробили оборону и ворвались в зону номер 6. Гвардейцы бежали, стреляя нам в лицо, а мы косили одного за другим. Мы отогнали гвардейцев далеко от нашей первой баррикады, но увидя, что силы гвардейцев понемногу наращаются, мы засели в развалинах

особняка. Солдаты обстреливали нас из бэлтона, а мы их из простых автоматов и пулеметов. Я сидел около окна и, высунув пулемет, стрелял по солдатам. Пройдя через проход комнаты, передо мной очутился Вольф.

— Слушай, малыш,— сказал он мне, присев рядом,— вот какое дело мне нужно: чтобы ты пробрался к аэродрому и встретил корабль “Норцыс”, он прибудет через час и никто его не встречает, так что тебе придется его встретить. Вот на тебе патроны и давай шуруй.— Он глянул на меня.— Я знаю, что это трудно, но ты должен, от этого зависит наша жизнь. Помогите нам.

— Ладно, я попробую.— Я сгреб патроны в карман, встал и пошел к проходу. Я выскочил на улицу и, стреляя на ходу, побежал по улице вперед. Везде гремела бойня, кругом валялись трупы убитых людей. Я шел осторожно по улицам, осматриваясь кругом; вдруг из-за угла вынырнули трое гвардейцев, один из них заметил меня и открыл огонь. Я прыгнул в сторону и укрылся в тени дома. Вскинув пулемет, я открыл огонь по ним. Один из них, не успев залечь, был скошен очередью из пулемета, он упал около своего друга. Они залегли в метрах ста от меня, и, достав из кармана гранату, я швырнул ее в сторону противников. Взорвавшаяся граната накрыла обоих. Я поднялся с тротуара и пошел дальше.

Что такое война, ворвавшаяся внезапно в твою жизнь? Война — это ураган, несущий за собою смерть и разрушения, это ужас, подкравшийся внезапно. Голод и холод, лишения, смерть родных. Все это война.

Я шел по улицам и смотрел на развалины, ямы, оставленные после снарядов, трупы, кровь, это был ад. И вот так я шел и не заметил лайнер, летящий бесшумно у меня за спиной. Очередь из пулемета заставила меня укрыться в доме. Я прыгнул в подъезд дома, лайнер приземлился недалеко и оттуда выскочили шесть гвардейцев с автоматами, которые направились в подъезд, в котором я укрывался.

Я быстро поднялся на этаж и укрылся за дверью.

— Он где-то наверху, ищите его там,— крикнул чей-то голос. Я услышал шаги, поднимающиеся вверх. Я достал гранату и швырнул ее вниз. Раздался взрыв и за ним последовал крик ужаса и боли. Я снова поднялся на ноги и помчался на крышу. Взобравшись на крышу, я подошел к карнизу и посмотрел вниз. Из лайнера вышли еще трое и, как и другие, они помчались в подъезд. Лайнер начал подниматься в воздух, я помчался со всей прыти к концу крыши. Когда я подбежал, лайнер был уже на уровне крыши, я разогнался и прыгнул на другую крышу. Сзади я услышал бой автоматов мне в спину, я подбежал к выходу с крыши и меня постигла неудача — дверь была закрыта, а сзади приближался лайнер. Я скинул пулемет и открыл огонь по лайнеру, на что и мне ответили тем же. Но, слава богу, я знал уязвимое место в лайнере, я прицелился и выстрелил по бензобаку, прокладка не выдержала и загорелась.

Я посмотрел направо: солдаты все стреляли в меня, я повернул пулемет и выстрелил в замок; открыв ногою дверь, я сбежал вниз и помчался дальше. Я бежал по улицам, все ближе и ближе я был к аэродрому, но что-то горячее я почувствовал в спине, по моей спине потекла алая кровь, я повернулся и в двух шагах от меня стояли три солдата. Один поднял пистолет и выстрелил в меня, почувствовав острую боль в груди, я упал на тротуар и замер. (— Вот и пришла моя смерть,— подумал я,— конец всему, моя жизнь закончена.— Так я и замер.)

Очнулся я в каком-то доме, кругом лежали раненые, ко мне подошла медсестра.

— 2-0, я вижу, вам уже стало лучше? — сказала она. Я посмотрел на нее, она была молода и красива. Белокурые волосы спадали волной на ее плечи, голубые глаза смотрели ласково и спокойно. Белый плащ шел ей к лицу.

— Где я нахожусь? — спросил я и огляделся.

— Вы в больнице.

— А как космический корабль?

— Он удачно приземлился. И вот мы спасены, все кончено. Мы свергли императора и теперь мир. Вот и все, мы завоевали мир.

THE BRICK I (The First Oblom)

Сценарий документального
киллерпанковского фильма

От автора

Дабы непосвященному читателю не было непонятно стремительное развитие событий в нижезложенном писании, ему предлагается ознакомиться с обстановкой и обстоятельствами, при которых создавалось данное творение.

Основой для творческих потуг автора послужил затянувшийся более чем на полгода конфликт между преподавателем ДПО (допризывной подготовки юношей) в ЛПКСХ (Луганском политехническом колледже сельского хозяйства) Кирпичевым П. И. (далее в тексте — Кирпич) и студентом группы N 318 отделения ЭАСХ (электрификации и автоматизации сельского хозяйства) Дьяченко С. (далее в тексте — Дьяк), выстроенный на неприязненном отношении первого к 25-сантиметровым волосам (на голове) у второго. Спасительные бумажки, о которых идет речь в первой главе первой части — это вовсе не бумажки (не путать с тем, что они сделаны из бумаги), а освобождения от ДПО. Кирпич не освобождает Дьяка от ДПО, хотя тот из-за своего подорванного здоровья имеет все права на это, предьявляя вышеназванное освобождение Кирпичу. Это служит завязкой гигантской драмы.

1. За кадром тикают часы. Все в серых тонах. В кадре мелькают лица. Радостные, грустные, разные. В кадре появляются двое длинноволосых юношей. У них свои интересы. Свои приколы. Свои обломы. Они никому не мешают. Никому не заслоняют солнце, никому не заслоняют небо, никому не пердят под нос. А вокруг кипит жизнь. Несется со скоростью ионов в воде, фотонов в вакууме, гамма в канализации, т. е. очень и очень быстро. Все ходят с какими-то бумажками. Им весело и хорошо. У кого нет таких бумажек, тому грустно и плохо. Очень грустно и очень плохо. И даже еще грустнее. И хуже. Судьба вручает эти спасительные билеты и нашим двум героям. Их радость понятна.

2. Объектив из серых тонов выхватывает фигуру. Черную фигуру. Она являет собой исчадие ада. Терминатора, Черноknижника, Робокopa, Рэмбо, Рокки и даже хуже. Она смеется. Она громко смеется с широко раскрытым ртом. У нее в руках эти самые спасительные билеты. Она не хочет смириться с предначертанием. Она хочет изменить мир. В худшую сторону. Рядом с ним (смеющейся фигурой) много других фигур. Более маленьких и более светлых. Белых и светящихся. Святых. Они тоже смеются. Смеются над черным Терминатором, Черноknижником и т. д. (см. выше). А над ним еще никто так не издевался. Он взбешен. Он в истерике. Он готов послать всех к праотцам, к черту, в задний проход и еще ближе. Вот он, тот первый облом, которым наградила его судьба на старости лет. Но неужели он не может остановить тот произвол, беспредел, измену, самообламывание, надругательство и т. д. над своей персоной? Может!!!!.....!

3. У него есть еще капля власти. Она (не без его собственной же помощи) мгновенно превращается в: лужицу—лужу—ведро—тазик—ванну—цистерну—болото—озеро—речку—море—океан и т. д.

10#AKM

власти. Он хватает первое, что попадаетея ему на глаза. Первым оказывается: 2 автомата Калашникова (7,62), 2 Узи (46 мм), 4 связки противотанковых гранат, 8 связок противопехотных гранат, пистолет ТТ, ракетная установка ПТУРС, бронежилет, прибор ночного и дневного видения (его очки), безоткатное ружье, миномет, 15 ящиков противопехотных мин (а также противотанковых, противоавтомобильных, противовелосипедных и др.), множество всевозможных приборов, определяющих радиационный и отравляющий фон окружающей среды...

(пропущено несколько листов с целью сберечь возбужденное воображение читателя)

...а также (и что самое главное) — электроизоляционные ботинки. (Не забудь про них, дорогой читатель).

4. Все в шоке. Кроме него. Исчадия ада. Он решил: гулять — так гулять. Он вышел из своей берлоги. Берлоги, в которой он спокойно спал не одну пятилетку. Вышел, обвешанный боеприпасами. Что же так сильно потревожило его сон? Не те ли двое волосатых парней, быстро передвигающих ноги в серой массе так же быстро топаящих подросток? Да, это они.

5. Он (черный человек) разбросал ящики с минами по всем закоулкам ЛПКСХ. Его месть будет страшной. Он стреляет направо и налево. Кидает гранаты направо и налево. И бойко гонится за улетающими во все стороны студентами. На ногах у него электроизоляционные ботинки. Вокруг много крови и внутренних органов.

6. И взбунтовалась раненая земля и зарыдало небо очищающим дождем и окружили территорию ЛПКСХ (включай сюда и хозпостройки) спецподразделения украинской милиции. Но злодею это только на руку. Никто из его потенциальных жертв не выйдет за это дьявольское оцепление; он расстрелял замок на силовом трансформаторе, разорвал вторичную обмотку на нем, один ее конец подал на водопроводную и канализационную систему ЛПКСХ, а другой просто кинул на землю. (Ты понял теперь, почему ему на руку был дождь и зачем ему ходить в электроизоляционных ботинках? Ну конечно! Земля-то ведь была мокрая (не забывай, что вода сносный проводник электротока), влага просочилась сквозь землю и попала как раз... ну конечно — на канализационные и водопроводные трубы. Получилось... безусловно — замыкание. Трансформатор мощный (420 КВа), у воды удельное сопротивление малое).

7. И воспылала раненая земля, и взорвались разбросанные везде мины (понятно теперь, какую месть он предусмотрел?), и те, кто выжил в этом аду, были не рады своей живучести, а те, кто погиб, были страшны в своих позах.

И возрадовался черный человек, и радость его была велика. И еще долго он ходил в своих электроизоляционных ботинках по обезображенным трупам студентов и преподавательского состава. К этому времени дождь закончился (это тоже важно не выпустить из головы) и уменьшилась радость черного человека.

8. И вышел из своего укрытия длинноволосый юноша с усами и баками (он один только уцелел) и стал на колени (ясно, почему надо помнить, что дождь закончился — иначе как бы он вышел и стал на колени — его бы убило, а так нет!) и вознес он к небу скорбные слова свои: “Почему? Почему так случилось? Ведь я не хотел этого!
Но почему?”

9. А вокруг лежали обезображенные, искалеченные, сожженные и расстрелянные трупы. Вот, например, Рома Поклонский — глупая смерть, ведь погиб-то только потому, что у него не было электроизоляционных ботинок. Вон Брончик, Ковбой, Синяк, Халява, Петро и т. д. (см. список гр. N 318). И заметил черный человек возносящего руки к небу юнца, и навел на него мушку автомата. Юнец заметил черного человека, но не побежал, не увернулся, не... и т. д. А к этому времени радость черного человека уменьшилась и задумался он: “Бог ты мой, что же я натворил и т. д.” (см. монолог Дьяка).

10. И выронил он автомат из рук и посмотрел вокруг. И то, что он увидел, было ужасно. Кругом горел один большой пожар и то, что час назад называлось ЛПКСХ, теперь лежало в радиусе нескольких км в виде отдельных предметов. И посмотрел он на Дьяка, а Дьяк посмотрел на Кирпича, и поняли они друг друга без слов. “Бог ты мой, а ведь все из-за этой бумажки”, — только и смог сказать Кирпич. “Да, как все мерзко и гнило”, — вымолвил Дьяк. “Дай-ка ее сюда”, — сказал Кирпич, и, взяв ее в руки, он увидел истлевший (наполовину) журнал гр. N 318. Открыв его на 43 стр., он напротив фамилии Дьяка написал: “ВКК N...” и поставил число. И подписался. “Вот ведь как должно было быть”, — сказал он. “Да”, — сказал Дьяк. И обнялись они, и простили друг друга.

Конец первой части

THE BRICK II

(The Social Dangerous Elements)

1. За кадром все так же тикают часы. Все по-прежнему в серых тонах. Длинноволосый юноша с усами и баками вот уже два месяца учится в Машиностроительном колледже (далее в тексте — МК). Два месяца назад в страшном аду смогли уцелеть только два человека: Дьяк, после этой страшной по своим масштабам и жертвам трагедии переведенный в МК на аналогичный своему курс и факультет, и тот, другой, осознавший свою ошибку и раскаявшийся, которому вся Луганская область во главе с Луганском поставила клеймо: “Непрощенный” и вынесла ужаснейший по своей сути приговор: “Растерзать его. Разорвать на куски того, кто уничтожил две тысячи с копейками преподавательского состава и студенческого корпуса ЛПКСХ. Разодрать того, кто обломками от ЛПКСХ методом одновременного взрыва зашиб еще штук десять луганчан и гостей города. Замочить того, кто причинил своим дебошем Луганску такой ущерб, который даже в зеленых не с первого раза выразить можно”. Такое своеобразное РРРЗ (не путать с СССР) было назначено на ближайшие выходные. В качестве палачей собрались 3 млн. жителей Луганска и области, в качестве зрителей — раз в десять больше со всего СНГ.

2. Но так ли уж все хорошо у Дьяка, и так ли уж все плохо у Кирпича? Однозначно на этот вопрос при такой ограниченной информации ответить нельзя. Осветим факты пояре. У Кирпича — отличное питание и обращение,

10#AKM

13-ая страница

отдельная камера, казенное обмундирование, т. е. он на полном пансионе (со смертниками везде так). У Дьяка же — сущий ад. Преподаватель ДПЮ в МК отказался признать действительным освобождение Дьяка, поскольку оно заверено адским маньяком Кирпичом. Дьяк, заработав 4 пары н/б в МК, лишился стипендии. Над ним просто насмеялись. Дали поддержать в руках эти деньги, а потом забрали. И все это из-за того, что Дьяк 4 раза не сходил на ДПЮ в МК. Вот и судите, кому из этих двух людей хуже. Более того, Дьяка приравняли к Кирпичу и повесили на него ярлык: “Социально опасный элемент”. Так что не ошибитесь в ответе, дорогие читатели.

3. Кирпич сидел на нарах из красного дерева и ел. Ел он, как всегда, не спеша и хорошо пережевывая пищу. “Сегодня не такой сытный обед”, — думал он, уплетая: устриц из северных морей; запеченных в тесте цесарок; кабана, поданного целиком, но состоящего из десятка приготовленных по-разному частей, к нему: репа, салат и острый соус из морских рыб; мурену с гарниром из морских раков, к ней соус из оливкового масла, запеканка с овощей, приготовленных на красном вине; гусиную печенку, моченую в белом вине и укушенную в сдобном тесте, замешанном на соке цитрусовых плодов; баранину в чесноке; фрукты...

(пропущено несколько листов с целью сберечь возбужденное воображение читателя)

...а также испанских зайцев, политых молоком высокогорных швейцарских коз; цыплят табака, фаршированных трюфелями и анчоусами, вываленными в майонезе; уток, откормленных инжиром; карасей, поджаренных в сметане и т. д., и т. п., и др. (список далеко не полный). Так вот, как я уже заметил выше, Кирпич сидел и ел. Дверь камеры распахнулась (почему я не сказал: “Вдруг распахнулась...”? — да потому, что какое же это “вдруг”, если она распахивалась регулярно: ведь надо же менять салфетки, приборы и просто грязную посуду в камере) и в камеру вошел официант и сопровождающие его автоматчики. Пока официант делал свои дела, один из автоматчиков ехидно усмехнулся: “Через 3 дня тебя казнят, Кирпич!”. “Угу”, — только и смог промочить последний через набитый до отказа рот. “А дружка твоего, Дьяка, — продолжал издеваться автоматчик, — так и не освободили от ДПЮ”. Кирпич аж поперхнулся. До этого ему никто об этом не говорил. Вяленая осетрина, начиненная красной икрой, выпала из его рта. “Как так?”, — только и мог выдать он. Довольные непрошенные посетители вскоре ушли, и Кирпич остался наедине со своими мыслями. “Неужели, — думал он, — его так и не освободили? Смысл моей жизни — коту под хвост. Нет мне счастья и покоя на старости лет. Не освободив Дьяка от ДПЮ, они перечеркнули мою жизнь от начала до конца одной кривой чертой”.

4. У старого воина есть еще силы. Они солидно подкреплены теми сытными обедами, которые он уплетал на протяжении двух месяцев. Одним ударом ноги выбита дверь камеры, аналогичными ударами выбиты все остальные двери, отделяющие его от свободы, такими же ударами перебиты все охранники, изувечен ехидный автоматчик, официанту затолкан в жопу кабан, фаршированный красной и черной икрой вперемежку, и у всех по совокупности отобрано следующее оружие.. (смотри часть первую, главу 3 от момента “Первым оказывается..” и до конца).

5. Все опять в шоке. Кроме него. Праведного бойца. Он решил: восстановить справедливость в виде освобождения Дьяка от

ДПО в МК. Счет трупов уже перешел за восьмой миллион (не забывай, что в городе 3 млн. палачей и 30 млн. зрителей).

6. И взбунтовались против такого хода дел оставшиеся 24,5 млн. собравшихся в Луганске человек, и большая часть из них (9/10), изрядно накавав в штаны, покинула пределы Луганска, а большая часть из оставшихся (9/10) практически не отличались от уехавших, ибо они, не менее изрядно накавав в штаны, заперлись по домам, на все звонки в дверь отвечая: “Никого нет дома”, а на все телефонные звонки — “Вы не туда попали”. Оставшаяся 1/10 от 1/10 от 24,5 млн. (элементарный математический расчет показывает, что их никак не больше 245 000 человек), менее изрядно накавав в штаны, наняли наемного убийцу и поручили ему добыть для них голову Кирпича. Так что же представлял собой их герой?

7. Его звали товарищ Смерть. Он являл собой ишчадие ада, Терминатора, Чернокнижника, Робокота, Рэмбо, Рокки, Горца, Конана (варвара и разрушителя) и даже хуже. (Вспомни Кирпича в первой части, глава 2). Он мог одновременно стрелять из 20-ти автоматов (при этом он задействовал все пальцы рук и ног) + еще из одного автомата, зажатого между ног (итого из 21 сразу). Он мог грызть бордюры и канализационные трубы, к числу его достоинств можно отнести и то, что он пил все, что горит, трахал все, что движется, причем на бегу, одновременно завязывая шнурки на ботинках. Его лозунгом было: “Убивай всех подряд, господь Бог потом рассортирует”. Его кредо в жизни была формула благополучия его же собственного нахождения: “Денег и крови”. Теперь мы имеем полное представление о всех врагах, столкнувшихся в смертельной схватке в следующей главе.

8. В МК прозвонил звонок на перемену. Это было условным сигналом для Дьяка и Кирпича, сидевших в засадах — Дьяк в своей аудитории, а Кирпич в кустах рядом с МК. По этому сигналу Дьяк схватил свой классный журнал и побежал на перехват руководителя ДПО в МК. Кирпич же, ворвавшись в МК, пошел мочить из огнестрельного оружия всех подряд направо и налево. И опять вокруг было много крови и внутренних органов, по которым Кирпич, бойко топая, наступал своих жертв. И опять пошел дождь и опять Кирпич, разорвав один конец вторичной обмотки питающего МК трансформатора, один ее конец подал на водопровод и канализацию МК, а другой... нет, ошибаешься, дорогой читатель, думая, что все это было, и что сейчас все то же повторится. Нет! Дульки! Какого хрена мне тогда писать эту басню, если она мною уже написана? Все будет совсем не так, так что не спеши откладывать в сторону мою писанину, а потрудись дочитать до конца. Так вот, подав один конец обмотки на водопровод и канализацию, Кирпич, кидая второй конец на землю, и не подозревал, как жестоко насмеялась над ним судьба — товарищ Смерть, разгадав замысел Кирпича (он постоянно следил за ним), очень быстро (пока летел провод из руки Кирпича на землю) перегрыз всю систему водопровода и канализации, и у Кирпича ничего не вышло. мой, да ты ведь мой сын внебрачный,— только и смог сказать Кирпич,— у меня на жопе точно такое же”.

Следует заметить, что Кирпичу открылось зрелище в виде разделительной полосы на жопе у товарища Смерть не вдоль жопы, как у всех нормальных людей, а поперек, вот так:

(—).

И обнялись они, и каждый подтвердил, что узнал он своего родственника.

В это время из засады вышел Дьяк, ведя испуганного преподавателя ДПО в МК, от которого (преподавателя) очень сильно воняло чем-то неприятным. И дали ему классный журнал бывшей, ныне убиенной, группы Дьяка в МК, и открыли на нужной странице, и с превеликой радостью он дрожащей рукой выполнил свою функцию по освобождению Дьяка от ДПО, после чего отошел в мир иной (свята эта минута). И вот таким образом освобождился Дьяк от ДПО в МК.

Конец второй части

Роман Еримеенко, Андрей Тимофеев

УБЕЙ ИХ ВСЕХ—III, или КТО НЕ СПРЯТАЛСЯ, Я НЕ ВИНОВАТ

Маленькая атомная пуля дает прекрасный результат. Еще лучше он выходит, если использовать автоматический скорострельный пистолет — желательно с магазином повместительней. Когда маленькие атомные пули веерно исходят из скорострельного автомата и веерно укладываются в пейзаже — пейзажу наступает полнейший пиздец, и это хорошо. К пистолету приделаем тщательно натренированного человека, умеющего, и, по возможности, любящего действовать скорострельным оружием. Его поплотнее завернем в хороший скафандр — чтобы смог он долгое время блуждать среди ядерного пламени. За спину ему повесим ящик с большим, а лучше — огромным количеством маленьких атомных пуль, и назовем тот ящик “боевым ранцем”. Получившееся сооружение приятно глазу в статичности и изящно в движении; но это еще не законченное сооружение. Он плох без крыльев, ему нужны крылья, закрылки, стабилизаторы и кваркогенные двигатели — тогда он будет хорош.

Вот он приближается, чертя небо серебристой искрой. Он все ближе, сердце его поет, ветер в ушах свистит, двигатели воют, он кричит победную песнь. Он свободен и величествен. Под крыльями его свисают самонаводящиеся ракеты с ядерными боеголовками, за люками его притаились пузатые бомбы объемного взрыва. “Сейчас я вас взъебу!” — ликующе думает он. Внизу суета, все бегают, копошатся, прячутся, боятся. Он подобен ангелу в своем белоснежном скафандре, его раскаленные дюзы — как два карающих меча. Он стремительно мчится по небу, спускаясь от самых звезд, и сейчас он, действительно, взъебет всех и вся, и это будет круто. Эфир наполнен испуганными воплями; навстречу ему летят большие самоуверенные ракеты ПВО; он срать хотел на всех на них. Он отстреливает плазменный шар, и глупые толстые ракеты ПВО всей сворой бросаются на шар, забыв о главной своей цели. Он гомерическим хохотом хохочет над их идиотизмом.

Вот к нему спешат пять истребителей; он спокоен, как бог. Истребители выпускают маленькие злые ракеты, он легко, непринужденно уклоняется от них. Истребители

АКМ#10

Страница 16-ая

делают “та-та-та!” из своих шестиствольных пушек; но это не может смутить его олимпийское спокойствие. Небрежным жестом он активирует своих собственных маленьких хищников — и ровным счетом пять прекрасных, умных, самонаводящихся ракет вырываются на волю и энергично устремляются навстречу уже порядком наскучившим ему истребителям. “Хой, хой!” — восклицает он, когда ровно пять восхитительных взрывов рождаются в утреннем небе. Он бросает прощальный взгляд на устало крутящиеся в воздухе черные обломки; они упадут в океан, и туда им и дорога.

Его полет неудержим, в крови его кипит химия, душа его полна восторга и энтузиазма. Ревут его двигатели, валяются вкривь и вкось вырванные с корнем деревья, когда проносится он над самой землей. Он летит так низко, что остается за ним ровная дорога на земле и расступается вода в ручьях и реках, обнажая дно, и пыль и пар поднимаются вслед за ним, несущимся подобно урагану. Пыль видна отовсюду, однако не видят его локаторы ПВО, ибо не умеют они видеть так низко. Он улыбается. Мир и покой царят в его душе. Он любит пейзажем, с ошеломительной скоростью мелькающим под ним. Вот он влетает в глубокий, извилистый овраг — прекрасный путь для спокойного, негорючливого подлета к нужному месту. Он кладет головокружительные выражи, вписываясь в непредсказуемые извивы оврага. Он верит в свое мастерство. Позади рушатся глинистые склоны, мгновенно высушенные в пыль пламенем двигателей. Овраг заканчивается, он вырывается на простор зеленых полей, совершает мягкий, изящный маневр и вписывается в русло небольшой речки, текущей в необходимом направлении. Он любит веселыми глазами, по которым мечутся обезумевшие овцы и стоят с широко раскрытыми ртами и выпученными глазами пастухи, он замечает прелестную деталь — в поднимающемся за ним столбе пара сияет цветами небесной чистоты широкая радуга. Он радуется за местных жителей — на ближайшее время вареная рыба им обеспечена. Под ногами проносится маленький, будто игрушечный, челнок с рыбаками; он машет им на прощанье рукой.

На горизонте вырастают аппетитные купола радиолокационной станции. Он приближается к ним на подходящее расстояние и взмывает вверх, переворачивается на спину и в таком положении устремляется назад и ввысь. От этого безупречного маневра перегрузка сотрясает его, пытается оторвать челюсть, сложить ребра и ссыпать позвоночник в штаны, но все это сделать с ним не так-то легко. К тому же он знает, что это еще не конец. Прежде чем проделать маневр, он успел выбросить небольшой, но тщательно сработанный образец водородной бомбы, которая отправилась своей дорогой и с безукоризненной точностью накрыла радиолокационную станцию. Яркий свет заливает и без того хорошо освещенные солнцем окрестности, воздушная волна подхватывает его и с удвоенной скоростью он уносится ввысь. Наконец, он принимает свое обычное положение и делает круг триумфа над замечательно рельефным грибом ядерного взрыва. Чего скрывать — он счастлив. Он любит преображенным в мгновение ока пейзажем; величие разума предстает во всей своей полноте. Теперь силы ПВО будут беспокоить его гораздо меньше, и можно со спокойной душой отдаться выполнению главной задачи.

Он мчится дальше. Полет его грозен и неумолим. Внизу проносится военная база, он не задерживается. Одной бомбы объемного взрыва вполне достаточно — и сдетонировавшее над базой облако взрывчатого аэрозоля убедительно это доказывает. Он летит дальше и дальше, над местами каких-то там боевых действий, он складывает горками военные сооружения, сплавляет в комки металла военную технику, засыпает траншеи и сносит укрепления. По нему стреляют, но он не обращает на это никакого внимания. Он мчится над селениями, и сорванные с домов крыши хлопают, провожая его. Он мчится над городами, и стеклянный дождь просыпается на улицы.

Продолжение следует

10#AKM

17-ая страница

ВНИМАНИЕ!

Луганская лаборатория литературы экстремальных направлений

при редакции фэнзина "АКМ"

совместно с Киллерпанк Фэн Клубом

при КЛФ "Синдром ОХО"

объявляет

КОНКУРС

на лучшее продолжение героической эпопеи

"Убей их всех - III: Кто не спрятался, я не виноват"

Присылаемые на конкурс рукописи должны отвечать следующим требованиям:

1. Информационное кодирование текста:
 - а) *визуальная подача* — пишущая машинка, принтер, рукописные "печатные" буквы;
 - б) *прочие варианты* — дискета 3,5" и 5,5", видеокассета под Arvid, e-mail, thanx-letter.
2. Язык текста: русский. Допускаются украинский и английский.
3. Лексика текста: ненормативная. Допускается нормативная.
4. Орфография и пунктуация текста: любая. По требованию автора редакц оставляет орфографию и пунктуацию текста авторскими, иначе — приводит ^и соответствие с нормами языка рукописи.
5. Идеология текста: в пределах соответствия главному принципу киллерпанка (см. "Слово к читателю").
6. Подтекст текста: допускается любой. Облегчите свое подсознание!

Рукописи будут рассматриваться по мере их поступления и публиковаться по мере возможности. Все те, кто пришлет рукописи, получат по АКМу. Те, чьи рукописи будут напечатаны в АКМ, получат помимо авторского экземпляра еще и сборник "Killerpunk: The Best Of The Best", который будет издан Киллерпанк Фэн Клубом в ближайшем обозримом будущем.

ТВОРИТЕ, ВЫДУМЫВАЙТЕ, ПРОБУЙТЕ.

АКМ#10

Редакция

Сергей “Кришна” Кушкарров

death-metal group
RED VELVET ROOM (Комната Красного Бархата)

альбом:
REHEARSAL OF THE FUNERAL ORCHESTRA
Репетиция Похоронного Оркестра

Текстовый материал

God, take care of our passports.

Боже, храни наши паспорта.

Dying flowers on the night table are implying you to kill your friends in your
dreams.

Умирующие цветы на ночном столике побуждают тебя во сне убивать своих друзей.

I like these days when we are going to anywhere without any reasons.

Я люблю эти дни, когда мы вместе без видимых причин куда-нибудь отправляемся.

Villages are besieging cities.

Деревни осаждают города.

There is no sense in the ass.

В заднице смысла нет.

Person is looking for a better place but he always sink.

Человек ищет, где лучше, но тонет всегда.

The thirst of those who got stuck in the time.

Жажда увязших во времени.

You are rule and everything is an incarnation of some things.

Ты — правило, и все есть воплощение каких-то вещей.

Skyline is still limiting your freedom.

Горизонт пока ограничивает твою свободу.

Mother-Earth deeply loves you. Father-Spirit is waiting for you.

Мать-земля страстно любит, отец-дух ждет тебя.

You are to understand that you are dying, while you still alive.

Пойми, что ты умираешь, пока ты еще жив.

Poison will take you.

Яд приведет тебя.

Unconsciousness will pay the master.

Бессознательность расплатится с хозяином.

As I'd try I can't see the light.

Как бы я ни пытался, я не могу увидеть свет.

10#AKM

Evolution is over. I see it in your eyes and I'm afraid of myself. Hatred, pain and detestation are taking me and throwing on the walls and sky. I spit upon you, you upon me. Everything that we have is discipline.

Эволюция завершилась. Я вижу это в твоих глазах и я боюсь себя. Ненависть, боль и отвращение завладевают мной и бросают на стены и небо. Я плюю на тебя, ты — в меня. Все, что мы имеем,— это дисциплина.

She is beautiful, she is almost perfect but she's dead. Her breathe is sweet and ravishingly; her touches take you forever and you are dying because of these hands and you commit this crime for them, you are living for them.

Она красива, она почти совершенна, но мертва. Ее дыхание сладостно, упоительно; прикосновения забирают тебя навсегда, и ты умираешь от этих рук, и делаешь это преступление для них, ты живешь для них.

Steppe is still waiting for us, changing quite a number of clothes.

Нас степь все ждет, сменив немало одежд.

We are like flowers and we are fond of them because of the envy or relation.

Мы как цветы и нам нравятся они из зависти или родства.

Who knows about me in order to free me.

Кто знает обо мне, чтобы освободить.

I'm mangling a life.

Я коверкаю жизнь.

Do you feel weak currents around? They explain everything.

Ощущаешь ли ты слабые токи вокруг, они все объяснят.

I can feel a verve.

Я могу чувствовать живость изображения.

Psychics shock by loosing time and memory from opportunities which didn't come true.

Психическое потрясение при потере времени и памяти, от неиспользованных возможностей.

My heart is brocken and suddenly I felt Motsart. Blow up the crust of your heart and live in the energy of your heart kernel then you'll find out who you are and what you need.

У меня сломалось сердце и я случайно вышел на ощущения В. А. Моцарта. Взорви кору своего сердца и живи в энергии сердечного ядра, тогда ты узнаешь, кто ты и что тебе нужно.

Red blood of matured fruits calls me to fill with it and cut up with leaf.

Красная кровь созревших плодов зовет меня наполниться ею и изрезаться листьями.

Every day you are to write some line and your life will be a book.

Каждый день пиши по строчке и будет книгой твоя жизнь.

The laser sights play on my face as speckles of the sun. There were the speckles of the sun in my father's childhood, but in mine — the laser sights.

Лазерные прицелы играют как солнечные зайчики на моем лице. Я любил конфеты с таким названием. В детстве моего отца были солнечные зайчики, у меня же — лазерные прицелы.

I went over the road with cherries sowing cherries lane.

Шел по дороге я с мешком черешен и сеял черешневую аллею.

When I stop to feel painful of time and my own insignificance and the blood will stop to burn me with its waves flooding my mind and eyes and when I stop to think chaotic maybe I become better than I am now. I'm making jump over darkness. Death is better than mother. Death is better than sex. Death is better than sister. You are my part, an apogee of mine and the total of my animal life. Stretch your hands with penetrating of bullet into this rotting vegetable. I have matured for your reaping. I shall be waiting for you endlessly and ardently. Nobody is interested in that I can bleed, love and make evil — nobody is and even I. And I pretend that I don't know that you can do a lot of things if I am in your way.

Когда я перестану ощущать тягостность времени и собственной ничтожности, и кровь перестанет жечь меня своими волнами, заливая мозг и глаза, и когда я брошу хаотично и мелко мыслить, я, может быть, стану лучше, чем есть сейчас. Я делаю прыжок через тьму. Смерть лучше, чем мать. Смерть лучше, чем секс. Смерть лучше, чем сестра. Ты — часть меня, апогей меня, итог моей животной жизни. Протяни ко мне свои руки проникновением пули в этот гниющий овощ. Я созрел для твоей жатвы. Я буду ждать твоего прихода бесконечно и страстно. Никому нет дела до того, что я могу истечь кровью, любить, творить зло,— никому нет дела, даже мне. И я делаю вид, что не знаю, что ты можешь многое, если я встану у тебя на пути.

Indifference until walking of pendulum among passions.

Безразличность до хождения маятником между страстями.

Race behind the wall of clouds.

Бег за стеной облаков.

Industrial buildings hold generations of people in capture; they feed of their life time and their children for their reproduction. And nobody can see the monster, but everything is in its paws.

Производственные помещения пленяют поколения людей; они питаются их жизненным временем и их детьми для своего воспроизводства. И никто не видит чудовища, но все у него в лапах.

I'm renovating the ancient icons in the room of red velvet with my spirit and the colours of my soul.

Своим духом и красками моей плоти я обновляю древние иконы в комнате красного бархата.

We are the butterflies which were let out of the hands of our childhood. We are flying toward the fire of our aging. And we are the balls in the roulette of situations.

Мы — бабочки, выпущенные из рук своего детства. Мы летим на огонь старения. И мы шарик в рулетке ситуаций.

Everithing will be classics.

Все станет классикой.

Enamel is getting off from the teeth as from ski's beads and they become transparent.

С зубов, как с лыжного бисера, сходит эмаль, и они становятся прозрачными.

Rain is parallel the ground and it dispersing with circles of the fallen droplets on the picture of the world washing it completely.

Дождь идет параллельно земле, расходясь кругами упавших капель на картине мира и смывая его напрочь.

Icon can be drown from the spots of dirt on the rag.

Из пятен грязи на тряпке может сложиться икона.

When I was a child there lived a lonely magician by my side. There was a red room in his house. Its wall were covered with velvet. I saw it in my dreams very often and my neighbour showed me concealed things, for instance, the ideal flat gray ground. He put me into it and I spoiled it because I was superfluous in it. I left spoiled grey in a sad mood. Now I've got another neighbour, but that one still teaches me in my dreams. He let me feel the soul of the great compouser and showed me the planet covered with steel frame, where the tsarina is my first love. She is so far away and inaccessible as before she was close and kind to me. This planet is my heart. Every first love has a planet and there is an unhappy one among other people whom the tsarina will never love.

Когда я был маленьким, рядом со мной жил одинокий колдун. У него в доме была комната в красных тонах. Стены ее были отделаны бархатом. Она часто снилась мне и из нее мой сосед показывал мне скрытые вещи, например, идеально ровную серую поверхность. Он помещал меня в нее и я коверкал своим присутствием, так как я был лишним в ее достаточности. Я оставлял исковерканную серость опечаленным. Теперь у меня другой сосед, но тот еще иногда учит меня во снах. Он давал мне почувствовать душу великого композитора и показывал планету, скрытую под стальным корпусом, где царица — моя первая любовь. Она теперь так далека и неприступна, как раньше была близка и добра ко мне. Эта планета — мое сердце. У каждой первой любви есть планета, и в ее народе живет и тоскует несчастный, которого царица уже никогда не полюбит.

Sheep can look into the wolf's eyes quietly and dies without fear or doubts or kills him itself.

Овца спокойно смотрит в глаза волку и умирает без страха и сожаления или убивает его сама.

Wasp has flined near the dove's beak.

Оса пролетела у самого клюва голубя.

There is a concentration of evil in us. Trees are afraid of our approaching, they are shaking and pining away. And the ugly idols of our manners are coming to us. If nobody can understand and build up the world again, fill it with themselves and don't harm to others, they use matrixes of the worse worlds who were built up by another ones, they buy nonconvincing illusion of reality. They don't create anything, they are living corpses.

В нас концентрация зла. Деревья боятся нашего приближения, они сохнут и дрожат. И к нам приходят уродливые божки нашего быта.

Если не могут понять и создать для себя мир заново, наполнив его собой и не вредя другим, то пользуются матрицами наилучших миров, созданных другими, покупают неубедительную иллюзию реальности. Сами же, ничего не создавая, являются живыми трупами.

Everything is repeated but changes its coordinates in time-situation space.

Все повторяется, но изменяет свои координаты во временно-ситуативном пространстве.

A little muse is sitting on the ground and crying because nobody wants to see her although she can light up.

Маленькая муза сидит на земле и плачет от того, что никто не хочет ее заметить, а ведь она может одарить озарением.

The world of beautiful and unhappy people. The one's deficiencies are marking another's merits.

Мир красивых и несчастных людей. Недостатки одних выделяют достоинства других.

Devoted are betrayed.

Преданные преданы.

There is an uncorrupted food in the trash that we eat.

В мусоре, которым мы питаемся, есть еще неразложившиеся продукты.

There is a real people's life in the dead labour of engine.

В мертвой работе машины есть реальная жизнь людей.

AKM#10

The sane people are unable to stand an attack.

Оставшиеся в здравом уме уже не выдержат атаки.

The silence is the law of fish. The silence is gold. The silence of fish isn't our law.

The gold isn't destined for fish.

Закон рыб — молчание. Молчание — золото. Молчание рыб нам не закон. Золото не для рыб.

I left alone and there was a hard night. Night was too long and I could die from melancholy. But the dream had come and I visited a lot of wonderful places and when I woke up there was a light and I revived. I was happy again, but I didn't forget those great places and my loneliness.

Я остался один и был тяжелый вечер. Ночь была долга и можно было умереть от тоски. Но пришел сон и я был во многих удивительных местах, а когда проснулся, то снова был свет и я снова ожил. Я снова стал счастливым, не забывая про великие места и что я одинок.

I don't need a mirror, I don't need anything when you are near, because you are reflecting me and your roots which are deeply in my heart; you are a space where I'm falling free. There is nothing worth you; there is nothing I can give you. All I have is I myself and I give you my dead head, because I don't need myself and I'm getting rid of myself; I change and spend every day and I die every evening and I don't know where I spend a night. And so, day after day I go up the stairs toward the final jump to assemble something for myself from pieces which I picked up from the stairs.

Мне не нужно зеркало и все в мире, когда ты со мной, ведь я отражаюсь в тебе и твои корни глубоко в моем сердце; ты — космос, где я в свободном парении. Нет вещи, достойной тебя, нет вещи, которую я мог бы дать тебе. Все, что у меня есть — это я сам и я дарю тебе мою мертвую голову, ведь я не нуждаюсь в себе и избавляюсь от себя; я размениваю и трачу каждый день и умираю каждый вечер, проживая ночь неизвестно где. И так день за днем я поднимаюсь по лестнице к окончательному прыжку, чтобы собрать для себя что-то из кусков, подобранных на ступенях.

I'm hungry and I humbly ask to give me your life.

Я хочу есть и я униженно прошу отдать мне свою жизнь.

The plants of force are grown debris of tree of knowledge. Who eat of fruits will die.

Растения силы — взошедшие обломки дерева познания. Вкусившие от плодов смертью умрут.

My past is going with the people which I was. And I'll go with last of them.

Мое прошлое уходит с людьми, которыми я был. И я уйду с последним из них.

It isn't dreadful to die, it is senseless to kill.

Умереть не страшно, убивать бессмысленно.

Sometime we lived in imaginary house happily and we were free and now we're crying over the debris of our life.

Мы жили когда-то счастливо в воображенном доме и были свободны, сейчас мы плачем над руинами своей жизни.

Neglect of written truths is my feature. I obey the laws of heart.

Моей чертой является небрежение к писанным истинам. Я подчиняюсь законам сердца.

The thing is simpler the longer and safely it serves.

Чем проще вещь, тем дольше и надежней она служит.

Your energy have penetrated me and caused a storm there.

Твоя энергия проникла в меня и устроила там шторм.

ХИППИ

Посв. С., А. и Р.

Хиппи бегал по полю и плавно, как бабочка, собирал тюльпанчики, васильки, ромашки, колокольчики и остальные. Он носился по полю и нюхал эти растения, хиппи тащился с них. Не даром он дите-цветка. Все эти цветочки он собирал в корзиночку, которая висела у него на бедре. Солнце светило ярко-ярко, от этого солнца хиппи стало еще веселей. Он радовался, его душа открывалась и закрывалась, он дышал, он был в невесомости. Луга и сами радовались такому гостю, они приветствовали его и наклоняли перед ним свои “головк”. Хиппи запел радостную песню про мир, любовь и цветы. Сами цветочки слушали песню хиппи и танцевали ее. Они оторвались от земли и закружились в хороводе. Через минуту хиппи оказался в ихнем кругу и пел, пел и пел.

От этой песни стало ярче светить солнышко, оно открыло глаза и радостно улыбнулось. Со всех окрестных лугов посбегались другие цветочки, розы, лилии, цветики, одуванчики. Их было много-много. Хиппи пел и танцевал, цветочки кружились парами вокруг распевającego хиппи.

Но недалеко отдыхали панки и металлисты. Они услышали песню хиппи и помчались на его пение. Они выскочили на поле и посмотрели на эту тусовку. Разъяренные металлисты, любящие кровь, мясо, насилие, помчались к хиппи, чтобы остановить его, при этом один из них зарычал таким басом, что бедные цветочки попадали на травку и от страха засохли на месте.

Хиппи этого не заметил, так как он увлекся пением. Но тут дело дошло и до панков и они помчались до вонючего хиппака, схватили бедного и потащили к речке. Они подбежали к крутому обрыву, раскачали и кинули хиппи в речку. Хиппи всплыл и поплыл на другой берег. Через минуту он вылез на берег и посмотрел на панков и металлистов, которые только что подошли. Хиппи встал и крикнул:

“I love you world and love!”

Потом хиппи повернулся и пошел дальше.

ХИППИ-II

Хиппи сидел на обочине дороги и ждал какой-либо машины, чтобы доехать до города М.

На нем были старые изношенные джинсы, куртка из светло-коричневой кожи, которая вот-вот должна облететь. На самой куртке были эмблемы хиппизма, любви и мира. Длинный немый хаер спадал на его маленькие плечи. Хиппи сидел и навистывал одну из песенок “Doors”. Он сидел здесь около часу и ни одна машина не проехала около его.

Хиппи достал из внутреннего кармана сигарету и закурил ее. Он затаился и дымок кайфа наплывом стукнул в его голову. Так он скурил сигаретку и воткнулся в дорогу, чтобы не пропустить машину.

Немного погодя из-за поворота выехала одна машина. Хиппи встал и начал ее останавливать. Но мужик, который посмотрел на хиппи, еще больше дал газу

и, не останавливаясь, укатил прочь. Хиппи снова сел и посмотрел на солнышко. Оно сильно радовало его глаза. Он перекинулся через бордюр и сорвал ромашку. Поюхав ее, он еще сильнее предался мысли о любви и мире.

Снова на дороге появилась машина, но это были мусора. Хиппи сидел, видя такой поворот дел, тихо. Мусора проехали мимо хиппи, но потом остановил машину и дал задний ход. Хиппи испугался, но сидел на месте как вкопанный.

Они подъехали и остановились напротив хиппи. Дверца машины открылась и оттуда вылез детина, напоминающий больше гориллу.

- Эй, ты, — сказал он. — Какого хуя ты тут сидишь?
- Жду машину, — ответил спокойно хиппи.
- А деньги у тебя есть?
- Есть.
- А ну, иди-ка сюда.

Хиппи встал и подошел. Милицционер начал обыскивать его. На капот машины посыпались сигареты, спички, феньки и др., но денег не было.

- Ты откуда? — спросил детина.
- Из города М., — ответил хиппи.
- Ладно, садись с нами. Мы довезем тебя до участка.

Милицционер кинул хиппи в машину и они уехали.

Славентий Бондаренко

ХИППИ-III: ОБРАЩЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Хиппи сидел на берегу и думал, как несправедливо поступили с ним все, кто не понял его — панки и хэвиметаллисты. Но он даже вовсе не сердился на них, а просто хотел тоже засунуть их в реку, как и они его. Все отличие было только в том, что панки и хэвиметаллисты кунали его в воду из-за вредности, а он хотел проделать это ради великого дела.

Когда хиппи поклонялись Ягодной Говяднице, пришел большой Гуру и пописял в общий котел. От него воняло потом и огуречным рассолом. Он сказал Хиппи: “Хуе-мое” и Хиппи обратился. Он научил хипарей плести феньки и цеплять поцифики. Хипари начали размножаться и расселяться. Появились общественные туалеты.

Хиппи вспомнил все это и ностальгически вздохнул. Он вынул свой розовый магнитофончик в цветочек и поставил кассету с записью своего любимого певца, тоже Хиппи, как и он сам. Кассета зажужжала и из дырочки послышался знакомый хороший голос:

Я люблю тебя девушка-а-а...
Я люблю тебя девушка-а-а...
Я люблю тебя девушка-а-а-а-а...
Я люблю тебя девушка-а-а-а-а...

10#AKM

Хиппи смахнул пальцем слезу с сопли и встал на ноги. Где-то вдали, за бугром, беспорядочные панки и хевиметаллисты. Хиппи приходилось любить всех, даже таких ублюдков, как эти. Он взял в руки багор и бредень и пошел в их сторону. Хиппи предстояло Великое Дело Обращения.

Сява Гарбузюк

О РЕПКЕ

Посадил дед репку. Выросла она большая-пребольшая. Надумал дедка ее рвать. Да не тут-то было. У репки корень глубоко в земле сидит и не дает вырвать. Тогда стал дедка выкапывать ее. Копал-копал — яма уже глубокая, а репке все конца не видно. Тогда решил дедка срубить то, что снаружи было, а потом, как-нибудь на досуге, остальное выкопать. Взял он топор, замахнулся, но усталые руки не удержали тяжелого топора. Выронил дедка топор, да прямо себе на ногу. Как закричит во всю мочь от боли.

Услыхала этот крик бабка. Прибежала, смотрит — дед на земле корчится, за ногу держится. Рассказал дед бабке, как все было, и говорит:

— Руби ты, бабка, репку.

Взяла бабка топор, замахнулась, да думает: “Ведь это ж мне сколько рубить надо. Пусть лучше внучка рубит”, — и так ударила топором, что прибила себе пальцы. Как закричит:

— Помогите!

Прибежала на крик внучка. Смотрит — дед с бабкой в траве валяются, дед за ногу, бабка за палец держатся. Бабка ей: так и так, говорит, давай, руби. Взялась было внучка за топор, но тут и ей впядлу стало рубить. Она хрясь себя по руке, и отрубила руку. Как заорет.

Тут на крик жучка прибежала. Смотрит — все по земле катаются. Ну что ж, заставили и ее рубить. Ей это тоже было до задницы лень. Взяла и отрубила себе все лапы и хвост заодно. Как завоет.

Тут на крик кошка прибежала. Смотрит — все в крови плавают. Спрашивает, что случилось. Ей это дело объяснили и рубить заставили. Ну а она крайняя, что ли? Возьми себя по голове да ударь. Так и покатилась голова под репку. Лежит голова кошки и орет во всю мочь.

Разбудил этот крик мышку, что в норке под домом жила. Выбежала она, смотрит — море крови и больше ничего. Из этого моря ей куча порубленного мяса говорит: дескать, руби репу. Взяла мышка топор и срубила ее одним махом.

Стало тут кошке жутко завидно, обидно и злобно на мышку. Взяла она ее и съела. Тут все в Жучке взорвалось гневом на несправедливость кошки. Взяла Жучка и задрала кошку насмерть. Но внучка любила кошку и стало внучке кошку жалко. Взяла внучка топор и убила Жучку. Но бабушка очень любила Жучку, намного больше, чем внучку. Отобрала она у внучки топор и убила им внучку. Но дедушка очень любил внучку, даже больше, чем бабку. Отобрал он у бабки топор и зарубил бабку. Но потом он увидел, что же он наделал. И убил он тогда себя этим же топором. Последней его мыслью было: “А все это репка...”

ПРИНЦ КОТОРЫЙ САМ

Мать Пирлипат была супругой короля, а значит, супругом Матери Пирлипат был король. Следственно, Пирлипат была прирожденной принцессой. Кто-то же должен был стать принцессой, если не самим принцем. А принц не мог быть прирожденным, так как еще не рожден.

У короля и у матери Пирлипат было шесть таких как Пирлипат и совсем разные, даже имена и те разные. Некоторые, впрочем, утверждают, будто еще и сегодня мнения расходятся, но это не так. Они будут расходиться завтра.

Потому, что завтра супруг матери Пирлипат, то есть король, будет зачинать новую принцессу. А вдруг и самого принца.

ДОЛГ ТЯЖЕСТИ

Мари была очень послушной, разумной девочкой. Она подолгу могла сидеть под висевшей посреди потолка люстрой, распространявшей мягкий, уютный свет.

Она как страж, исполняющий свой долг могла, да и сидела подолгу. Ее родители были вполне довольны тем, что их ребенок был таким спокойным и тихим. Они не беспокоясь могли оставить ее одну, зная что придя опять в комнату, найдут ее на том же самом месте, под люстрой. Один раз Мари оставшись одна, вдруг сильно всполошившись, приступила к тому, что лежало у нее на сердце. Мышцы напряглись, на висках повздувались вены. Перехватив дыхание, Мари думала, что даже сейчас ее родители смогут найти там, где и всегда. В ее маленькой голове смешались все мысли, с какими-то обрывками фраз и пением птиц. Мари была возбуждена так, что не могла произнести и слова.

Она хотела сдвинуть со своей маленькой, девичьей груди упавшую люстру, распространявшую мягкий, уютный свет.

БЕЗРАЗЛИЧНЫЙ ЛОНДОН

Была сырая погода, были мимо проходящие автомобили. Даже поднятый вверх большой палец Моника не означал, что она хотела быть вместе с сырой погодой и мимо проходящих авто. В течении часа Моника обрызгивали жидкой, холодной грязью. Неуспевшие засохнуть на платье грязные капли стекали по красивым ногам, там, где заканчивалось платье и начинался мокрый асфальт. Моника не обращала внимания на все это. Ее до боли волновало то, что когда очередной автомобиль останавливался, опускалось дверное окно, и когда безнадежно уезжал, окно быстро поднималось. И Моника каждый раз с визгом оставляла прядь своих роскошных волос.

Была сырая погода, были мимо проходящие автомобили. Был один визг самый звонкий и самое плотно закрытое окно. Густая, теплая кровь стекала с лысой головы Моника, догоняя и смешиваясь с жидкой, холодной грязью.

В каком-то мимо проходящем авто заметили, что густая, теплая кровь совсем не сочетается с жидкой, холодной грязью на фоне Лондонской погоды.

Андрей Кулик

В АРМИИ

Как приятно в армии, как настоящий художник сидишь и красишь одуванчики зеленой краской на газоне, или до блеска начищаешь асфальт гуталином. Или зубной щеткой лелеешь унитаз. Как приятно ровнять по ниточке посуду, кружки и тарелки на столах. Как приятно, но **НЕНАВИЖУ, СУКА!**

К. Н. Х.

FUCK YOU!

In the fuck you trait no future. Vive fuck police fuck utter report in soil child preside fuck you USSR. My good is musicle original strong fuck soul. Thoughtful vein bough dockyard, conduct wind old tell tall. Tea punk tea sun, rude ruler, go wish submission come up to candlestick doctor. Fight annoyance, leisure give back. Scales weigh on horseback reading bitter fuck you. Fuck you police, fuck you sheep, fuck you year, hunger carriage. Hangar living wind it is necessary production platse food retreat. Fuck you гопота. Fuck you, fuck you, fuck you.

Пошла на х.. гопота, милиция, религия. Fuck you мир сраный, голод, холод. Этот сраный мир в котором люди как воюючки ползают и грызут друг другу глотки. Народ непобедимый стал горестью червивых ублюдков. Мировая свобода алмазного глаза, в полной каше плачут девичьи глазки, на полный день усталых лиц, на полный праздник траурных рук. Хитроумная похоть веселящего глаза полный декрет о сопливом мире. Fuck you мир.

К О Н Е Ц

Angels Крэйзи Magazine: журнал литературы экстремальных направлений

АКМ #10

Составление и верстка

Ромыч В. К. Еримеенко

Рисунок на обложке

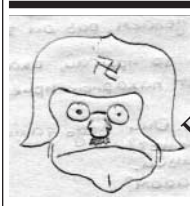
Е. Климова, А. Кулик, А. Андриенко,
Н. Недоступова

Адрес

348006, Украина, г. Луганск,
кв. Героев Сталинграда,
д. 9, кв. 49. Р. Еримеенко

© АКМ, 1995

АКМ #11

Продолжение
следует